

Посвящается Энн, Эльзе, Марине и Ане

TRUST

HERNAN DIAZ

Riverhead Books • New York

ДОВЕРИЕ

Эрнан Диас

В ПЕРЕВОДЕ ДМИТРИЯ ШЕПЕЛЕВА

Москва, 2026

альпина

ПРОЗА

УДК 821.111

ББК 84

Д44

Книга подготовлена совместно издательствами Строки и «Альпина.Проза»

Диаз Э.

Д44 Доверие : [роман] / Эрнан Диаз ; Пер. с англ. Д. Шепелева. — М. : Альпина нон-фикшн ; Строки, 2026. — 438 с.

ISBN 978-5-00216-607-7

Многогранная история о власти, любви и сущности правды.

Даже рев и грохот бурных 1920-х не могли заглушить их имена. Она — легендарный магнат с Уолл-стрит, она — дочь эксцентричных аристократов. Вместе они поднялись на вершину мира, полного иллюзии безграничного богатства. Но какую цену они заплатили за столь огромное состояние?

В книге несколько рассказчиков. Только читателю решать, кому можно верить, а кому нет.

«Доверие» — одновременно захватывающая история и блестящая литературная головоломка.

УДК 821.111

ББК 84

**ЧИТАЙТЕ
В КИОН СТРОКАХ**

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© Hernan Diaz, 2022

Печатается с разрешения автора при содействии его литературных агентов AJA Anna Jarota Agency and The Clegg Agency, Inc., USA.

© Шепелев Д., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Строки, 2026

ISBN 978-5-00216-607-7 (рус.)

ISBN 9780593541548 (англ.)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Роман Гарольда Ваннера

7

МОЯ ЖИЗНЬ

Эндрю Бивел

133

ЧТО СОХРАНИЛА ПАМЯТЬ

Мемуары Айды Партенцы

203

НА СРОК

Милдред Бивел

389

БЛАГОДАРНОСТИ

435

Обязательства

РОМАН

Гарольда Ваннера

Один

Поскольку Бенджамин Раск пользовался почти всеми мыслимыми привилегиями по праву рождения, одна из немногих данностей, о которых он мог сожалеть, состояла в невозможности героического восхождения: в его биографии не было места подвигу стойкости и упорства или несгибаемой воле, выковавшей золотую судьбу из окалины жизненных испытаний. Согласно записям на задней обложке семейной Библии Расков, его предки по отцовской линии переселились из Копенгагена в Глазго в 1662 году, где начали торговать табаком, ввозимым из Нового Света. На протяжении следующего века дело их процветало и расширялось, так что часть семьи перебралась в Америку, чтобы присматривать за поставщиками и контролировать каждую стадию производства. Три поколения спустя отец Бенджамина, Соломон, выкупил доли всех родственников и сторонних вкладчиков. Под его единоличным руководством компания все так же процветала, и довольно скоро он сделался одним из самых выдающихся торговцев табаком на Восточном побережье. Ничто не мешает считать, что он делал закупки у лучших поставщиков на всем континенте, но ключом к успеху Соломона было не столько качество его товара, сколько умение использовать одно очевидное обстоятельство: в табакокурении, безусловно, есть

элемент эпикурейства, однако для большинства мужчин оно также служило предлогом к общению. Учитывая это, Соломон Раск обеспечивал своих клиентов не только (и не столько) лучшими сигарами, сигарилью и трубочными смесями, но и (главным образом) превосходными условиями для бесед и заключения политических союзов. Он поднялся на вершину табачной промышленности и закрепился там благодаря компанейской натуре и дружбам, возникшим в курительной комнате, где он нередко потчевал *фигурадо** кого-нибудь из наиболее ценных клиентов, к которым относил Гровера Кливленда, Уильяма Захарию Ирвинга и Джона Пирпонта Моргана.

Достигнув успеха, Соломон построил дом на Западной 17-й улице, законченный как раз ко времени рождения Бенджамина. Однако сам он редко бывал в нью-йоркской домашней резиденции. Работа звала его с одной плантации на другую, он постоянно следил за скруткой сигар или навещал деловых партнеров в Вирджинии, Северной Каролине и на Карибах. Он даже обзавелся маленькой *асьендой* на Кубе, где проводил большую часть каждой зимы. Слухи касательно его жизни на острове создали ему репутацию искателя приключений со вкусом к экзотике, что считалось ценным качеством в его работе.

Миссис Вильгельмина Раск ни разу не появилась в кубинской резиденции мужа. Но и в Нью-Йорке она не задерживалась подолгу: едва Соломон возвращался, как она уезжала на весь летний сезон гостить

* Фигурные сигары, то есть не цилиндрической формы (исп. *figurados*). — Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.

к одной из своих подруг на восточный берег Гудзона или в коттедж в Ньюпорте. Единственное, что ее, несомненно, сближало с Соломоном, так это страсть к сигарам, которые она курила непрестанно. Поскольку для дамы это считалось весьма необычным пристрастием, она позволяла его себе лишь в кругу подруг. Но с этим не возникало сложностей, ведь подруги окружали ее повсечасно. Вилли, как они называли ее между собой, входила в тесно сплоченную группу женщин, своего рода кочевое племя. Среди них были уроженки не только Нью-Йорка, но и Вашингтона, Филадельфии, Провиденса, Бостона и даже Чикаго. Они перемещались стаей, гостя друг у друга в домах и на загородных виллах, сообразно сезонам — так, дом на Западной 17-й улице становился обиталищем кочевниц на несколько месяцев, начиная с конца сентября, когда Соломон уезжал на свою асьенду. Но, в какой бы части страны эти дамы ни обретались, их клика неизменно держалась наособицу, не подпуская к себе посторонних.

Маленький Бенджамин, проводивший большую часть времени у себя в комнате или в комнатах нянек, довольно смутно представлял себе общий план особняка из бурого песчаника, в котором рос. Когда мать с подругами бывала дома, его не подпускали к комнатам, где они курили, играли в карты и пили сотерн до поздней ночи; когда же матери не было дома, основные этажи превращались в тусклую череду закрытых ставнями окон, зачехленной мебели и запеленатых, точно огромные коконы, люстр. Все няни и гувернантки Бенджамина в один голос называли его образцовым ребенком, и все наставники соглашались с ними. Ни в ком так гармонично не сочетались хорошие манеры, разум

и послушание, как в этом прелестном ребенке. Единственный его изъян, каковой после тщательного изучения смогли обнаружить иные из его первых менторов, состоял в нежелании общаться с другими детьми. Когда один наставник, давая отчет Соломону, приписал отсутствие друзей у Бенджамина страху перед людьми, отец отмахнулся, сказав, что мальчик просто становится самодостаточным человеком.

Одинокое детство не подготовило его к школе-интернату. В первом семестре он сделался объектом ежедневных унижений и насмешек. Однако со временем одноклассники заметили, что он почти не реагирует на их старания, и оставили его в покое. Он держался наособицу и успевал с одинаковым равнодушием по всем предметам. По завершении учебного года учителя неизменно вручали ему всевозможные грамоты и знаки отличия и уверяли его, что он прославит Академию.

Когда он учился в выпускном классе, его отец скончался от сердечной недостаточности. На службе, прошедшей в Нью-Йорке, родственники и знакомые были поражены самообладанием Бенджамина, но правда заключалась в том, что траур просто-напросто позволил естественным свойствам его натуры проявиться в социально приемлемой форме. Кроме того, он озадачил адвокатов и банкиров отца неожиданной зрелостью, взявшись изучить завещание и все связанные с ним финансовые отчеты. Мистер Раск был человеком аккуратным и добросовестным, и сын не нашел в его документах никаких недочетов. Разделавшись с этим и зная, чего ожидать, когда достигнет совершеннолетия и вступит во владение своим наследством, он вернулся в Нью-Гэмпшир, чтобы окончить школу.

Мать провела свое недолгое вдовство с подругами в Род-Айленде. Она уехала в мае, незадолго до выпуска Бенджамина, а к концу лета умерла от эмфиземы. Родственники и друзья семьи, присутствовавшие на этой, гораздо более скромной панихиде, не знали толком, как подступиться к молодому человеку, полностью осиротевшему в течение нескольких месяцев. К счастью, нужно было решить множество практических вопросов, касавшихся доверительного управления, душеприказчиков и правовых тонкостей с переходом наследства.

Жизнь Бенджамина в колледже оказалась усиленным эхом его школьных лет. Он столкнулся с тем же самым отношением к себе и точно так же проявил свои таланты, разве только теперь у него выработалась холодная терпимость к первому и сдержанная неприязнь ко второму. Некоторые из наиболее характерных черт его рода, по-видимому, пресеклись на нем. Он был полной противоположностью как отцу, который в любом обществе являлся центром притяжения, заставлявшим всех вращаться вокруг себя, так и матери, которая едва ли за всю свою жизнь провела хотя бы день в одиночестве. Такая непохожесть на родителей стала особенно заметна, когда Бенджамин окончил колледж. Вернувшись из Новой Англии в Нью-Йорк, он потерпел неудачи во всех областях, где большинство его знакомых стяжали лавры: спорт ему не давался, клубные дебаты утомляли, выпивка не прельщала, азартные игры не увлекали, любовь не горячила кровь. Молодой человек, обязанный своим благосостоянием табаку, даже не курил. Однако те, кто упрекал его в неоправданном воздержании, не понимали, что он не прилагал к тому ни малейших усилий.

Табачное дело совершенно не привлекало Бенджамина. Ему не нравился ни конечный продукт — это идиотское посасывание и причмокивание, дикарская зачарованность дымом и горько-сладкий запах подгнивших листьев, — ни порождаемый им дух сопричастности, который его отец так любил и умел использовать в своих целях. Ничто не отвращало его больше, чем туманные союзы курительной комнаты. При всем желании он был бы не способен изображать страстное участие в споре о превосходстве лонсдейла над диадемой, как не способен был и воспевать (с убежденностью, какую дает только знание из первых рук) хвалы робусто* из своего поместья в Вуэльта Абахо. Плантации, сушильные амбары и сигарные фабрики относились к далекому миру, к которому Бенджамин не испытывал ни малейшего интереса. Он первым был готов признать, что не годится на роль представителя фирмы, а потому поручил повседневные обязанности управляющему, верой и правдой служившему его отцу на протяжении двух десятилетий. Однако неодобрение управляющего не мешало Бенджамину через агентов, с которыми он ни разу не встречался, продать втридешева кубинскую асьенду отца со всей обстановкой, даже не осмотрев ее. Его банкир вложил деньги в фондовый рынок вместе с остальными его сбережениями.

Потянулись застойные годы, в течение которых Бенджамин пытался без особого энтузиазма собирать различные коллекции (монет, фарфора, друзей),

* Виды сигар (англ. Lonsdale, Diadema, RobuSto).

баловался ипохондрией и проявлял умеренный интерес к лошадям, но так и не сумел стать денди.

Все время его что-нибудь не устраивало.

Вопреки своим наклонностям, он затеял путешествие в Европу. Все, что его интересовало в Старом Свете, он и так уже знал из книг и не видел смысла знакомиться с этим ближе. К тому же ему не улыбалось провести несколько дней на корабле среди незнакомцев. Тем не менее он сказал себе, что, если решится на такой шаг, лучшего момента ждать не стоит: в деловых кругах Нью-Йорка установилась довольно мрачная атмосфера вследствие ряда финансовых кризисов и последовавшего за ними экономического спада, охватившего страну в течение двух лет. Поскольку этот спад не затронул его напрямую, Бенджамин лишь смутно представлял себе его причины — началось все, как он полагал, с лопнувшего железнодорожного пузыря, каким-то образом приведшего к падению цен на серебро, что повлекло за собой изъятие из банков золота, в результате чего разорилось множество банков и разразилась так называемая Паника 1893 года. В чем бы там ни было дело, его это мало заботило.

Он склонялся к мнению, что рынкам свойственны колебания, и был уверен, что сегодняшние потери обернутся завтрашними прибылями. Вместо того чтобы расстроить его европейскую экскурсию, финансовый кризис — наихудший после Долгой депрессии, разразившейся двумя десятилетиями ранее, — оказался одним из главных побуждений покинуть страну.

Бенджамин уже собирался назначить дату своего отбытия, когда его банкир сообщил ему, что, задействовав некие «связи», сумел подписаться

на облигации, выпущенные для восстановления золотого национального резерва, истощение которого обусловило неплатежеспособность стольких банков. Весь выпуск был распродан за какие-нибудь полчаса, и Раск в течение недели получил солидную прибыль. Вот так непрошенная удача в виде благоприятных политических сдвигов и конъюнктурных колебаний привела к внезапному и, казалось бы, спонтанному росту солидного наследства Бенджамина, которое он вовсе не стремился увеличить. Но, как только случай сделал это за него, он обнаружил в себе голод, о котором не подозревал до тех пор, пока не возникла приманка, достаточно большая, чтобы пробудить его. Он решил, что Европа подождет. Активы Раска находились на консервативном попечении Дж. С. Уинслоу и Ко — фирмы, которая всегда вела дела его семьи. Основанная одним из друзей отца, она теперь находилась в руках С. Уинслоу-младшего, чья попытка подружиться с Бенджамином не увенчалась успехом. В результате отношения между двумя молодыми людьми оставались довольно прохладными. Тем не менее они работали в тесном сотрудничестве, пусть даже посредством посыльных или по телефону — и то и другое Бенджамин предпочитал излишним и нарочито сердечным совещаниям лицом к лицу.

Довольно скоро Бенджамин наловчился читать бегущую строку*, находить закономерности и, скрещивая их, обнаруживать скрытые причинно-следственные

* Бумажная лента, печатавшаяся биржевым тикером, который принимал телеграфные сообщения в виде сокращенных названий компаний и цифр, обозначающих цены акций.

связи между, на первый взгляд, разнородными тенденциями. Уинслоу, поняв, что его клиент схватывает все на лету, стал намеренно запутывать картину происходящего и отклонять его прогнозы. Несмотря на это, Раск начал принимать собственные решения, обычно вопреки советнику. Он склонялся к краткосрочным инвестициям и велел Уинслоу проводить рискованные сделки с опционами, фьючерсами и прочими спекулятивными инструментами. Уинслоу всегда призывал к осторожности и возражал против таких безрассудных махинаций, грозивших Бенджамину потерей капитала из-за неоправданного риска. Но Уинслоу, похоже, заботился не столько об активах своего клиента, сколько о внешней стороне дела, стараясь соблюдать финансовые приличия — в конце концов, как он однажды заметил, сдержанно посмеиваясь собственному остроумию, он ведь бухгалтер, а не букмекер и отвечает за финансовый, а не игорный дом. Унаследовав от отца репутацию человека, склонного к разумным инвестициям, он упорно чтит это наследие. Однако, выразив несогласие, он всегда следовал указаниям Раска и получал свои комиссионные.

В течение года, успев устать от педантичности своего советника с его тяжеловесным темпом, Раск решил стать полноправным игроком на бирже и рассчитал Уинслоу. Разрыв всех связей с семьей, которая была так близка с его собственной в течение двух поколений, только усилил чувство настоящего свершения, какое Раск испытал впервые в жизни, взяв бразды правления в свои руки.

Два нижних этажа его дома превратились в импровизированную контору. Произошло это не по сознательному решению, а в результате возникавших одна за другой потребностей, которые приходилось удовлетворять, пока неожиданно не сложилось нечто вроде конторы со множеством сотрудников. Началось это с посыльного, которого Бенджамин отправлял носиться по всему городу с акционерными сертификатами, облигациями и прочими документами. Через несколько дней мальчишка его уведомил, что ему нужен помощник. Вместе со вторым посыльным Бенджамин нанял телефонистку и клерка, который вскоре поставил его в известность, что не справляется в одиночку. Управление подчиненными отвлекало Бенджамина от работы, поэтому он нанял заместителя. А когда ведение бухгалтерских книг стало отнимать слишком много времени, он нанял бухгалтера. К тому времени, как его заместитель обзавелся собственным, Раск успел потерять счет своим сотрудникам и уже не старался запоминать новые лица и имена.

Мебель, годами простоявшая зачехленной, теперь вовсю осваивалась секретаршами и мальчишками на побегушках. На сервировочный столик из орехового дерева встал телеграфный аппарат; большую часть обоев с позолоченным растительным орнаментом покрывали котировки и курсы акций; соломенно-желтый бархат дивана пачкали стопки газет; на бюро из атласного дерева оставляла вмятины пишущая машинка; диваны и софы с вышитой вручную обивкой усеивали черные и красные чернильные пятна; извилистые края

стола из красного дерева отмечали сигаретные подпалины; а мелькавшие туда-сюда туфли оставляли царапины на дубовых ножках в виде звериных лап и вытаптывали персидские ковровые дорожки. Только комнаты родителей Бенджамин держал в неприкосновенности. Сам же он спал на верхнем этаже, куда ни разу не заглядывал ребенком.

Найти покупателя на табачную фирму отца оказалось несложно. Бенджамин поощрял одного фабриканта из Вирджинии и торговую компанию из Соединенного Королевства, перебивавших цену друг друга. Он был рад, когда британец одержал верх, а стало быть, отцовская фирма вернулась туда, где и возникла, — Бенджамину хотелось быть как можно дальше от этой части своего прошлого. Но что его действительно привело в восторг, так это то, что благодаря доходу от продажи он мог теперь работать с бóльшим размахом, допускать новый уровень риска и финансировать долгосрочные сделки, от каких прежде вынужден был воздерживаться. Окружавшие его люди наблюдали с озадаченным видом, как его имущество уменьшалось прямо пропорционально росту его богатства. Он продал все оставшееся фамильное имущество, включая и дом из песчаника на Западной 17-й улице со всей обстановкой. Его одежда и документы поместились в два сундука, которые он отослал в отель «Вагстафф», где снял номер люкс.

Его пленяла пластичность денег — как их можно заставить выгнуться колесом, к своему хвосту, и скормить им их собственное тело. Камерная, самодостаточная природа биржевой игры отвечала его характеру и была одновременно волнующим развлечением и самоцелью, безотносительно к доходам и мирским

благам. Роскошь была вульгарным бременем. Его отрешенный дух жаждал отнюдь не новых впечатлений. Ни политика, ни власть не занимали его антиобщественного разума. И стратегические игры, такие как шахматы или бридж, не вызывали интереса. Если бы Бенджамин спросили, что же его привлекало в мире финансов, он вряд ли сумел бы найти объяснение. Его, безусловно, притягивала сложность денежных отношений, но, кроме того, капитал в его глазах представлял собой живое и притом стерильное существо. Оно двигалось, питалось, росло, размножалось, болело и могло умереть. Но было чистым. Со временем это стало ему очевидно. Чем масштабнее была операция, тем дальше он находился от ее конкретных деталей. Ему не было необходимости касаться ни единой банкноты или взаимодействовать с вещами и людьми, на которых влияла его деятельность. Все, что от него требовалось, — это думать, говорить и писать, а чаще подписывать. И денежная сущность приходила в движение, рисуя прекрасные узоры на своем пути в царства все возрастающей абстракции, порой следуя собственным аппетитам, предвидеть которые Бенджамин никогда не умел, и это доставляло ему особое удовольствие — проявление свободной воли этой сущности. Он понимал ее и восхищался даже в тех случаях, когда она его разочаровывала.

Бенджамин едва знал центральный Манхэттен — ровно настолько, чтобы не любить каньоны его деловых зданий и грязных узких улиц, по которым сменяли чопорные бизнесмены, занятые тем, что показывали, как же они заняты. Тем не менее, признавая удобство нахождения в Финансовом квартале, он переместил свою контору на Брод-стрит. Вскоре

после этого, когда его интересы расширились, он получил место на Нью-Йоркской фондовой бирже. Его сотрудники быстро смекнули, что ему в равной степени претил как драматизм, так и вспышки радости. Разговоры, сведенные к самой сути, велись шепотом. Если пишущая машинка ненадолго замолкала, можно было с другого конца комнаты расслышать поскрипывание кожаного кресла или шелест шелкового рукава по бумаге. Однако воздух то и дело возмущала беззвучная рябь. Всем сотрудникам было ясно, что они являлись продолжением воли Раска и что в их обязанность входило удовлетворять и даже предвосхищать его потребности, но никогда не докучать ему своими. Если они не обладали жизненно важной для него информацией, то ждали, пока он сам к ним обратится. Работа на Раска питала амбиции многих молодых маклеров, но, когда они расставались с ним, полагая, что усвоили все, что следовало, ни один из них не мог достичь успеха своего прежнего работодателя.

Его имя в финансовых кругах стали произносить с благоговейным изумлением (ему это было не по душе). Кое-кто из старых друзей отца обращался к нему с деловыми предложениями, которые он иногда принимал, и с советами, которые он всегда игнорировал. Он торговал золотом и зерном, валютой и виски, облигациями и окороками. Интересы его больше не ограничивались Соединенными Штатами. Англия, Европа, Южная Америка и Азия стали для него единой территорией. Из своей конторы он обзирал весь мир в поисках рискованных займов под высокие проценты и вел переговоры о государственных ценных бумагах с рядом стран, судьбы которых нерасторжимо переплелись благодаря его сделкам.

Иногда ему удавалось единолично приобретать целые выпуски облигаций. За несколькими поражениями последовали выдающиеся победы. Все, кто был на его стороне, процветали.

В тех кругах, что все в большей мере и вопреки его воле становились «миром» Бенджамина, ничто не бросалось в глаза так, как анонимность. Даже если подобная сплетня не достигала его ушей, Раск понимал, что должен был считаться — со своей намеренно неприемной одеждой, подчеркнутой сдержанностью и монашеской жизнью в отеле — таким «персонажем». Почувствовав себя до глубины души задетым одной лишь возможностью прослыть чудачком, он решил соответствовать ожиданиям человека его положения. Он выстроил особняк из известняка в стиле *beaux arts* на Пятой авеню, вблизи 62-й улицы, и нанял для отделки Огдена Кодмана, уверенный, что его растительный декор станет гвоздем сезона в светских журналах. Когда дом был достроен, он собрался было, но в итоге передумал дать бал — эту затею он отбросил, едва поняв при составлении списка гостей со своей секретаршей, что светские обязательства растут в геометрической прогрессии. Он вступил в несколько клубов, в советы правления, благотворительные организации и ассоциации, в которых почти не показывался. Все это он делал без малейшего удовольствия. И только потому, что еще меньше удовольствия ему бы доставила репутация «оригинала». В конечном счете он сделался богачом, играющим роль богача. И то, что его положение соответствовало его костюму, не делало его счастливее.

Нью-Йорк наполнился громким оптимизмом тех, кто верил, что обогнал будущее. Раск, разумеется, извлек свою выгоду из этого лихорадочного роста, но для него это было событием чисто математическим. Его не прельщала мысль прокатиться по недавно открытой с большой помпой подземной железной дороге. Несколько раз ему случалось посещать небоскребы, во множестве вознесшиеся по всему городу, но он и не думал перенести свою контору в один из них. Что же касалось автомобилей, то он считал их досадным недоразумением — как на улицах, так и в разговорах. (Машины стали главной и, на его взгляд, самой скучной темой среди его сотрудников и партнеров.) Также он по возможности избегал проезжать по новым мостам, связавшим город воедино, и не хотел иметь ничего общего с полчищами иммигрантов, приплывавших что ни день на Эллис-Айленд. Бóльшую часть всего происходившего в Нью-Йорке он узнавал из газет и, самое главное, из шифров на бегущей ленте. И все же, несмотря на его своеобразный (кто-то сказал бы «узкий») взгляд на город, даже он видел, что, хотя слияния и объединения привели к концентрации богатства в горстке корпораций беспрецедентной величины, в обществе, как ни странно, возникало ощущение благосостояния. Самый размах этих новых монополистических компаний — отдельные из них стоили больше, чем весь госбюджет, — служил доказательством того, как неравномерно распределялись блага. Однако большинство людей, в каких бы условиях они ни жили, были уверены, что причастны — или

станут причастны не сегодня завтра — к стремительному росту экономики.

Затем, в 1907 году, Чарльз Барни, президент Доверительного фонда Никербокера, оказался замешан в махинации по монополизации рынка меди. Попытка провалилась, обойдясь в одну разоренную шахту, два брокерских дома и один банк. Вскоре после этого было объявлено, что чеки от «Никербокера» приему не подлежат. Национальный коммерческий банк удовлетворял обращения вкладчиков в течение нескольких дней, и примерно через месяц Барни решил, что ему ничего не остается, кроме как закрыться в кабинете и покончить с собой выстрелом в грудь. Крах «Никербокера» вызвал волну паники на рынках. Масовый выпуск ценных бумаг вызвал всеобщую неплатежеспособность, Фондовая биржа рухнула, кредиты были отозваны, брокерские дома обанкротились, трастовые фонды объявили дефолт, коммерческие банки лопнули. Все продажи прекратились. Толпы маршировали по Уолл-стрит, требуя вернуть им вклады. Повсюду разъезжали эскадроны конной полиции, пытаясь сохранять общественный порядок. При отсутствии наличных денег на руках процентная ставка по суточным ссудам за считанные дни взлетела выше 150 процентов. Из Европы было доставлено огромное количество слитков, но даже миллионы, перетекшие через Атлантику, не смогли смягчить кризис. В то время как рушились самые основы кредитования, Раск, обладавший солидными денежными резервами, сумел извлечь выгоду из кризиса ликвидности. Он знал, какие компании, пострадавшие от паники, были достаточно устойчивы, чтобы пережить ее, и приобрел их активы по смехотворно заниженной цене. Его оценки

во многих случаях на шаг опережали оценки людей Дж. П. Моргана, которые часто налетали сразу вслед за Раском, вызывая рост акций. Более того, в самый разгар бури он получил записку от Моргана с упоминанием его отца («Таких прекрасных мадура, как у Соломона, я больше нигде не курил») и приглашением посоветоваться кое с кем из числа его самых доверенных людей у него в библиотеке, «чтобы помочь защите наших национальных интересов». Раск ответил отказом без всяких объяснений.

Раску потребовалось некоторое время, чтобы сориентироваться на новых высотах, на которые его вознес кризис. Повсюду, куда бы он ни шел, он чувствовал вокруг себя жужжавший ореол, надежно отделявший его от мира. И не сомневался, что другие тоже это чувствовали. Его видимый распорядок дня остался прежним — он обитал в своем тишайшем доме на Пятой авеню, поддерживая оттуда внешнюю иллюзию активной светской жизни, в реальности сводившейся к редким появлениям на мероприятиях, на которых, как он полагал, его призрачное присутствие возымеет наибольший эффект. Тем не менее успех во время всеобщей паники сделал его другим человеком. Но что было поистине достойно удивления даже для него самого, это то, что он стал высматривать во всех, кого встречал, признаки признания. Он жаждал подтверждений, что люди замечают окутывавшее его мерцающее жужжание, его обособленность. Как ни парадоксально, это желание подтвердить дистанцию между собой и другими являлось формой общения с ними. И это чувство было ему внове.

Поскольку теперь стало невозможным принимать самостоятельно все решения, касавшиеся его бизнеса,

Раск был вынужден наладить тесные отношения с одним молодым человеком из своих подчиненных. Шелдон Ллойд, поднявшийся по ступенькам карьерной лестницы и ставший его доверенным лицом, просматривал ежедневные дела, требовавшие внимания Раска, позволяя лишь действительно важным бумагам ложиться к нему на стол. Кроме того, он проводил ежедневные встречи с клиентами: его работодатель являлся только в тех случаях, когда требовалась демонстрация силы. Во многих отношениях Шелдон Ллойд воплощал собой те стороны финансового мира, которыми гнушался Бенджамин. Для Шелдона, как и для большинства людей, деньги были лишь средством достижения целей. Он тратил их. Покупал разные вещи. Дома, машины и экипажи, животных, живопись. Бахвалился своим богатством. Путешествовал и закатывал вечеринки. Деньги покрывали его с ног до головы — каждый день кожа его источала новый запах; рубашки его были не отглаженными, а новыми; пальто его всегда блестело почти так же, как и его волосы. Его переполняло то самое, наиболее обыденное и смущавшее Раска качество, именуемое вкусом. Глядя на него, Раск думал, что только служащий, получающий деньги от кого-то, может тратить их подобным образом — на легкую и свободную жизнь.

Но именно благодаря своей легкомысленности Шелдон Ллойд оказался полезен Бенджамину. Его помощник был, разумеется, ушлым маклером, но Раск также понимал, что в глазах многих его клиентов и мимолетных партнеров он олицетворял собой «успех». Шелдон Ллойд являлся идеальным рупором его бизнеса — гораздо более эффективным представителем во многих сферах, чем его работодатель.

Поскольку Шелдон так добросовестно соответствовал всем ожиданиям того, как должен выглядеть финансист, Бенджамин стал полагаться на него и в вопросах, выходявших за рамки его официальных обязанностей. Он просил его организовывать ужины и вечеринки, и Шелдон был рад услужить, наводняя дом Раска своими друзьями и охотно развлекая членов правления и инвесторов. Настоящий хозяин неизменно ускользал пораньше, но впечатление, что он вел более-менее активную светскую жизнь, укреплялось.

В 1914 году Шелдон Ллойд был направлен в Европу, чтобы завершить сделку с Дойче-банком и одной немецкой фармацевтической компанией и провести кое-какую операцию в Швейцарии в качестве агента своего работодателя. Мировая война застала Шелдона в Цюрихе, куда Раск направил его для приобретения долей в новых процветающих местных банках.

А Бенджамин тем временем обратил внимание на материальные основы своего богатства — на вещи и людей, которых катастрофа сплавила в единую машину. Он стал инвестировать в отрасли, связанные с войной, — от добычи полезных ископаемых и выплавки стали до производства боеприпасов и судостроения. Он также проявил интерес и к авиации, увидев, какой коммерческий потенциал она обретет в мирное время. Очарованный технологическими достижениями, определившими те годы, он финансировал химические компании и инженерные предприятия, патентовал многие невидимые детали и жидкости в новых механизмах, приводивших в движение мировую промышленность. И через доверенных лиц в Европе вел переговоры об облигациях, выпущенных каждой страной, вовлеченной в войну. Но каким бы

внушительным ни стало его богатство, то была лишь отправная точка его истинного восхождения.

По мере его достижений возрастала и его сдержанность. Чем дальше и глубже его инвестиции проникали в общество, тем больше он замыкался в себе. Кажалось, что практически бесконечные посреднические операции, из которых складывается состояние, — акции и облигации, привязанные к корпорациям, привязанным к земле и оборудованию, а также к трудовым массам, получающим жилье, питание и одежду за счет труда других масс по всему миру, получающих оплату в различных валютах со стоимостью, также являющейся объектом биржевой игры и спекуляций, привязанных к судьбам различных национальных экономик, привязанных в конечном счете к корпорациям, привязанным к акциям и облигациям, — привели к тому, что непосредственные человеческие отношения утратили для него всякую значимость. Тем не менее, когда он прошел то, что представлялось ему половиной жизненного пути, туманное чувство генеалогической ответственности вкупе с еще более туманными представлениями о приличиях заставило его задуматься о браке.

ДВА

Бревурты были старинным родом из Олбани*, однако их богатство уступало их родовитости. Три поколения несостоявшихся политиков и романистов низвели их до состояния достойной скудости. Их дом на Перл-стрит, один из первых в городе, служил воплощением этого достоинства, и вся жизнь Леопольда и Кэтрин Бревурт вращалась по большому счету вокруг его содержания. К тому времени, как родилась Хелен, они закрыли верхние этажи, чтобы в полной мере уделять все свое внимание нижним, где принимали гостей. Их гостиная являлась одним из центров общественной жизни Олбани, и тающие средства Бревуртов не мешали им принимать Шермерхорнов, Ливингстонов и Ван-Ренсселеров. Успех этим приемам обеспечивал редкий баланс между легкостью (у Кэтрин был талант давать другим почувствовать себя умелыми собеседниками) и серьезностью (Леопольд давно прослыл местным интеллектуалом и моральным авторитетом).

В их кругу участие в политике считалось чем-то недостойным, а интерес к литературе отдавал богомой. Тем не менее мистер Бревурт унаследовал от предков

* Город на северо-востоке США, столица штата Нью-Йорк и округа Олбани.

предосудительную для джентльмена любовь к государственной службе и к письменному слову, вылившуюся в написание двухтомника по политической философии. Литературный мир встретил двухтомник гробовым молчанием, и уязвленный автор переключил внимание на маленькую дочь, решив взять ее обучение в свои руки. С самого рождения Хелен мистер Бревурт был слишком поглощен своими бесплодными прожеками, чтобы уделять ей серьезное внимание, но теперь, занявшись ее образованием, он день за днем изумлялся все новым граням ее личности. В пять лет она уже была заядлой читательницей, и отец с удивлением обнаружил в ней не по годам развитую собеседницу. Они подолгу гуляли по берегу Гудзона, иногда до самой ночи, обсуждая окружающие их природные явления: головоастиков и созвездия, падавшие листья и ветер, уносивший их, лунный ореол и олени рога. Леопольд никогда еще не испытывал подобной радости.

Все имевшиеся в их распоряжении школьные учебники он считал негодными, ставя под сомнение как их содержание, так и подачу материала. Поэтому во всякое время, свободное от преподавания и светских обязанностей, которые ему вечно находила жена, мистер Бревурт занимался написанием руководств и составлением рабочих тетрадей для дочери. Он заполнял их наставительными играми, загадками и ребусами, которые Хелен обожала и почти всегда решала. Наряду с наукой заметное место в их образовательной программе занимала литература. Отец с дочерью читали американских трансценденталистов, французских моралистов, ирландских сатириков и немецких афористов. Прибегая к помощи допотопных словарей, они